
ИЗ ИСТОРИИ СВЯЗИ ПСИХОЛОГИИ И МЕТАФИЗИКИ

РУБЕН НАГДЯН

Во второй половине XX в. исследователи в области философии науки показали, что наука основывается на определенных метафизических предпосылках¹. Поэтому психология как наука также не может избежать метафизики – такова в мышлении ученых особенность становления науки, которая всегда в научном исследовании актуализируется в пределах и понятиях определенной парадигмы. А научная парадигма, как показал Т. Кун, всегда предполагает наличие метафизических предпосылок, лежащих в основании науки. Вопрос лишь в том, происходит ли обращение к метафизике осознанно или неосознанно. Отрицание метафизики и эксплицирует тот случай, когда метафизические основания принимаются неосознанно. Но это приводит к тому, что становится невозможным анализ и отбор метафизических представлений и, следовательно, преобразование и развитие вырастающей из них науки.

Современная психология находится именно в таком состоянии: отказавшись от осознанного использования метафизики (метафизических идей) как способа философского подхода к исследованию первопричин возникновения психических явлений, психологи “не замечают”, что психология полна проблем, требующих для своего решения применения метафизического подхода.

Однако в начале XIX в. отношение к метафизике среди психологов было другим. Так, в 1824 г. И. Герbart публикует работу “Психология, как наука, вновь основанная на опыте, метафизике и математике”, из которой становится ясно, что необходимость применения метафизики в психологии для И. Гербарта обусловлена тем, что “данное в опыте не может быть мыслимо без предположения скрытого. А так как науке не дано ничего другого, кроме опыта, то в нем она должна встретить и познать следы всего того, что движется и действует за занавесью”². “Познать всё то, что за занавесью” и есть задача метафизики, поэтому из приведенной цитаты видно, что для И. Гербарта метафизика является необходимой частью психологии. Даже В. Вундт, основоположник научной психологии, пишет философскую работу “Метафизика”³, в которой показывает неизбежность применения в науке метафизических идей, даже если ученые считают себя убежденными антиметафизиками, как, например, физик и философ Э. Мах.

---

¹ Варгофский М. Эвристическая роль метафизики в науке // Структура и развитие науки (Бостонские исследования по философии науки). М., 1978, с. 43–110; Кун Т. Структура научных революций. М., 2009. Agassi J. The Nature of Scientific Problems their Roots in Metaphysics. Critical Approach, 1964, с. 189–211.

² Герbart И. Ф. Психология. М., 2007, с. 67.

³ См. Вундт В. Метафизика // Философия в системном изложении. М., 2006, с. 117–150.

На необходимость применения в психологии метафизики указывал также У. Джеймс в конце XIX в. В эпилоге своего знаменитого учебника по психологии Джеймс специально поднимает вопрос о значении метафизики для психологии, осознавая, что многие психические явления нельзя изучать экспериментально, основываясь на принципе детерминизма, и должны быть включены в область метафизики. Окончательное решение на чисто психологической почве, например, такого вопроса, как человеческая воля и ее свобода, Джеймс считал преждевременным. Для него метафизика это “упорное стремление к ясности и последовательности в мышлении”⁴. Исходя из контекста эпилога, можно допустить, что Джеймс имеет в виду “упорное стремление” к первопричинам психических явлений, к исключению всех неясностей, перед которыми бессильны эмпирические методы, направленные на их исследование.

Кроме того, для Джеймса метафизика – та область знания, где производится взаимная проверка принципов, принимаемых на веру отдельными науками. Эти основополагающие принципы (метафизики), часто неясные и полные противоречий, обычно не имеют практического значения и могут быть оставлены без внимания для специальных исследований. “Этим, – пишет Джеймс, – определяется то презрительное отношение к метафизике, которое так часто можно наблюдать”⁵. Так, например, для геолога не имеет никакого значения вопрос о том, что такое время, какова его сущность. А “психологу нет времени задаваться вопросом, каким образом он и дух, объект его исследования, познают тот же внешний мир”⁶.

Кроме свободы воли человека и того, как человек и его дух познают внешний мир, Джеймс особо выделяет и анализирует четыре проблемы, попытка решения которых приводит к противоречиям: 1) отношение сознания к мозгу, 2) отношение состояний сознания к объектам, 3) выяснение изменчивого характера нашего сознания и 4) проблема существования состояний сознания. Анализ этих проблем подводит Джеймса к мысли, что их невозможно разрешить на основе существующих психологических теорий, потому что анализ, основанный на фундаментальных категориях этих теорий, приводит к противоречиям. Напомним, что фундаментальные категории существующих психологических теорий обозначают собой эмпирически выявленные, элементарные единицы или события психической реальности. Все подобные проблемы, согласно Джеймсу, требуют для своего решения “тонкого метафизического анализа”⁷.

Вслед за У. Джеймсом феноменом свободной воли заинтересовался Карл Ясперс, который считал, что именно этот феномен придает психике характер рационально непостижимой загадки. Осознав невозможность решить проблему свободы воли на уровне эмпирических знаний из психологии и психопатологии, Ясперс обращается к философии и стремится “выйти на более высокий, метанаучный уровень исследования и тем самым получить доступ к ресурсам

---

⁴ Джеймс У. Психология. М., 1991, с. 356.

⁵ Там же, с. 357.

⁶ Там же, с. 357.

⁷ Там же, с. 358.

метафизики, скрытых от позитивистски ориентированных психологов и психиатров»⁸.

В своей работе Ясперс, не соглашаясь с представлениями Декарта о душе как вещи мыслящей, так характеризует психику: «...Психическая субстанция или душа не есть вещь. Говорить о “душе” как об объекте – значит вводить в заблуждение. Во-первых, душа означает сознание, но, в той же мере, она означает бессознательное. Во-вторых, душа должна рассматриваться не как объект с устойчивыми свойствами, а как “бытие в собственном мире”, как целое, охватывающее внутренний мир и окружающий мир. В-третьих, душа – это становление, развертывание различие; в ней нет ничего окончательного, завершеного»⁹. Как видим, Ясперс отходит от традиционной психологической трактовки психического как совокупности психических явлений, отражающих действительность. Наоборот, душа (или психика – в данном контексте эти понятия совпадают) как становящееся и различающее *сама должна привести к множественности психических явлений и их свойств*. Сама она безобъектна и внеобъектна, лишена каких-либо свойств, поэтому о ней можно говорить лишь как о метафизическом “объекте”, существующем как “бытие в собственном мире”, а не в мире воспринимаемых объектов. Если сопоставить приведенное определение психического К. Ясперса с представлениями о порождающем процессе восприятия в афизикальном подходе А. И. Миракяна, сформировавшемся к концу XX века¹⁰, то в них можно заметить много общего, и надо полагать, что это совпадение не случайно.

В конце XIX в. интерес к метафизике возрастает и в России. В первую очередь, это было связано с работами В. С. Соловьева, среди которых особое место занимает “Кризис европейской философии”, направленный против позитивизма западной философии.

Основным вопросом метафизики Соловьев считает вопрос о сущности мира. Этот же вопрос переносится в область метафизической психологии, но с целью исследовать сущность психических явлений и феноменов, которые и определяются как представления о мире. Соловьев отмечает также те ограничения, которые возможны при метафизическом познании мира: “Этот вопрос не может быть разрешен путем отвлеченно-логическим, познание метафизической сущности не может быть выведено из общих понятий, ибо эти последние не имеют в природе своей никакого самостоятельного, первичного значения, будучи лишь отвлечениями от данных непосредственного воззрения, внешнего или внутреннего”¹¹. Кроме того, Соловьев считал, что чем выше ступень развития, на которой находится явление, тем больше в нем метафизического. Поэтому в психике человека больше метафизического, чем в любом другом эмпирически наблюдаемом явлении природы.

В то же время разные аспекты метафизики исследовала плеяда русских

---

⁸ **Водолагин А. В.** Психопатология и метафизика воли. К 125-летию К. Ясперса // “Вопросы философии”, 2008, № 5, с. 140.

⁹ **Ясперс К.** Общая психопатология. М., 1997, с. 34.

¹⁰ См. **Миракян А. И.** Начала трансцендентальной психологии восприятия // “Философские исследования”, 1995, № 2, с. 77–94.

¹¹ **Соловьев В. С.** Кризис западной философии // Соч. в 2-х т. Т. 2, М., 1990, с. 56.

философов и психологов: Н. Бердяев, С. Франк, С. Трубецкой, Н. Грот, П. Флоренский, Г. Шпет, Г. Челпанов и др. Они разрабатывали вопросы о значении метафизики не только для философии, но и для психологии. Их общее мнение о взаимосвязи психологии и метафизики можно обобщить словами П. Флоренского: “В порядке онтологическом сказано было бы: метафизика производит психологию; в порядке психологическом, напротив: психология определяет наши метафизические построения. В порядке же символическом скажем, как сказали уже: метафизическое выражается в психологическом, психологическое выражает метафизику”¹². Другими словами: психические явления, изучаемые психологией, возникают из каких-то природных первоначал, но сами эти первоначала определяются, как метафизическое знание, психологом.

Сторонник метафизической психологии Г. Челпанов считал себя идейным последователем С. Н. Трубецкого и вслед за ним осознавал необходимость метафизики для решения проблем психологии. Эту необходимость Челпанов показывает на примере работ Гербарта, из которых следовало, что “без философского (метафизического в том числе. – *Р. Н.*) учения о душе нельзя было приступить к объяснению законов душевных явлений. Законы же душевных явлений выводились дедуктивно из принципов, которые лежали в основе учений о душе”¹³. Анализируя связь между психологией и философией, Челпанов выделяет три типа отношений в зависимости от способа определения философии: философия как метафизика, теория познания и метод обобщения данных психологии, результаты которых “могут быть положены в основу науки о душе”. Если под философией “понимать прежде всего *метафизику*”, тогда для понимания закономерностей душевной жизни необходимо построение метафизической теории о природе души, для ответа на вопросы, “существует ли душа, есть ли она что-либо материальное, есть ли она субстанция и т.п.”¹⁴. Необходимость изучения души (или психики) при помощи метафизики Челпанов аргументирует следующим образом: “Всякое описание необходимо предполагает *объяснение*. Для объяснения необходимо выходить за пределы того, что дано в непосредственном восприятии, т. е. при изучении психических явлений мы должны выходить за пределы непосредственно воспринимаемых психических процессов, а это, как мы увидим ниже, предполагает употребление каких-либо понятий философски обработанных”¹⁵. Очевидно, что здесь Челпанов имеет в виду выход в метафизическую область исследований. Как видно из приведенной цитаты, речь идет, выражаясь языком современной психологии, об ограниченности “продуктного” подхода для изучения принципов и закономерностей психического.

Таким образом, российская психология вступала в XX в. с ясным пониманием, что для исследования психики, или души, необходимо применить метафизический подход, и была готова последовательно его развивать. Одна-

---

¹² Флоренский П. У водоразделов мысли. Черты конкретной метафизики. М., 2009, с. 20.

¹³ Челпанов Г. И. Об отношении психологии к философии // “Вопросы философии и психологии”. Кн. 89. М., 1907, с. 309.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же, с. 314.

ко решающее слово при этом сказал Л. С. Выготский. Проводя кардинальную перестройку методологических основ переживавшей кризис психологии, он не принял анализ причин кризиса таких ученых, как Ф. Brentano, Н. Н. Ланге, К. Бюлер, и предложенных ими частных путей выхода из него. Выготский высказал идею о построении общепсихологической теории на основе принципиально новой методологии – марксистской. Тем самым он предрешил отрицательное отношение к метафизике, потому что марксизм, усвоивший многое из философии Гегеля, видел в метафизике примитивную однобокую форму мышления, не имеющую ничего общего с диалектическим методом и, более того, относящуюся к идеалистической философии. В то же время Выготский критикует эмпиризм за непоследовательность в своем стремлении построить психологию без души, психологию без всякой метафизики¹⁶, психологию, основанную на опыте¹⁷. “На деле, – обобщает Выготский, – нет ни одной эмпирической системы психологии, все переходят за грань эмпиризма... Все системы на деле переплелись в своих выводах и уходили корнями в метафизику...”¹⁸. Основную причину методологической “слабости” эмпиризма Выготский видит в отсутствии философского принципа, в отказе “выяснить свои конечные посылки, осознать собственную научную природу”¹⁹. Рассуждения Выготского поднимают вопросы, им не затронутые: что заставило, казалось бы, эмпириков Ланге, Введенского и Геффдинга, обобщая результаты своих исследований, обратиться к метафизике? Что они в ней искали? Логика научного исследования подсказывает, что это поиск объяснительных философских принципов, выяснение своих конечных посылок и желание осознать собственную научную природу. Метафизика также имеет свои философские принципы. Но в данном случае мы сталкиваемся с разными способами понимания сути и назначения метафизики Выготским, с одной стороны, и Ланге, Введенским, Геффдингом, Челпановым – с другой. Выготский отрицает связь метафизики с эмпирией, а другая сторона не только признает эту связь, но и видит в ней определенную логику. Выготский пишет: «Челпанов находит, что она (психология. – *Р. Н.*) должна иметь “надстройку” и “подстройку”. Оказывается, есть философские понятия, которые нужно рассмотреть *до изучения психологии*, и исследование, предваряющее психологию, он называет подстройкой: только с ней можно построить эмпирическую психологию»²⁰. Подстройка, предваряющая психологию, и есть метафизика, сторонником которой всегда был Челпанов. А “философские понятия, которые нужно рассмотреть до изучения психологии” (критика Выготского) для Челпанова означали невозможность объяснить психическое, используя понятия, относящиеся к области непосредственно данных психических явлений (в противном случае, согласно современным представлениям, психолог оказывается в пределах “продуктивной” парадигмы) и использование для этой цели

---

¹⁶ См. **Введенский А. И.** Психология без всякой метафизики. Пг., 1917.

¹⁷ См. **Геффдинг Г.** Очерки психологии, основанной на опыте. СПб, 1908. с. 377–378.

¹⁸ **Выготский Л. С.** Исторический смысл психологического кризиса // Собрание сочинений. Т. 1, М., 1982, с. 378–379.

¹⁹ Там же, с. 378.

²⁰ Там же, с. 379.

“понятий, философски обработанных” (Челпанов), т. е. метафизических, лишенных собственно психологического содержания (аналог афизикальных взглядов А. И. Миракяна²¹).

Обсуждая научные приоритеты Челпанова, Выготский ссылается на его работу “Психология и марксизм” (1924), в которой автор пытался синтезировать марксизм и метафизику, что делало ее уязвимой для критики. Гораздо интереснее было бы узнать мнение Выготского о работе Челпанова “Об отношении психологии к философии” (1907) – программному выступлению, посвященному месту философии и метафизики в психологии. Здесь автор, независимый от стереотипов какой-либо идеологии, полностью и без искажений изложил свои философско-психологические взгляды. Но, к сожалению, Выготский о ней не высказался.

В чем же состоит коренное отличие подходов (или образа мышления) Челпанова и Выготского к изучению психического? Принятие Челпановым метафизической парадигмы позволяет предположить, что он рассматривает психическое как порождающий процесс, а Выготский, сторонник историзма, – как процесс развивающийся. Поэтому Челпанов ищет причину порождения, а Выготский – причины развития. У Челпанова философия (метафизика, природа) предшествует психологии, а для Выготского за психологией низшего уровня развития психического следует психология высшего уровня развития. Следовательно, Челпанов рассматривает онтологию психического как “бытие в возможности”, а Выготский – как “бытие в действительности” (по Аристотелю). А если продолжить логику рассуждений Аристотеля, то следует дополнить, что “бытие в возможности” предшествует “бытию в действительности”. Поэтому Челпанов видел возможность продолжения или перехода метафизики в эмпирию, а для Выготского они были разобщенными и независимыми друг от друга областями знания.

Из контекста следует также, что душа в метафизике русских психологов на рубеже XIX–XX вв. рассматривалась не как что-то данное Богом (мы не касаемся религиозного аспекта), а как метафора или символ причины, порождающей психическое. Поэтому вполне понятно сожаление С. Франка: «Прекрасное обозначение “психология” – учение о душе – было просто незаконно похищено и использовано как титул для совсем иной научной области; оно похищено так основательно, что когда теперь размышляешь о природе души, то занимаешься делом, которому суждено оставаться безымянным или для которого надо придумать какое-нибудь новое обозначение»²². Под “иной научной областью” С. Франк, безусловно, имел в виду современную ему и нам психологию.

Из вышесказанного можно сделать вывод, что Выготский придерживался продуктного подхода и считал ненаучным обращение к гипотетическим и эмпирически недоказуемым природным тенденциям и принципам порождения психического, чем и занимается метафизика, и, более того, отрицал возможность “перерастания” метафизики в науку.

---

²¹ См. Миракян А. И. Указ. соч., с. 77–94.

²² Франк С. Душа человека. М., 1917. с. 3.

Л. С. Выготский еще больше отдаляется от изучения психического как природного явления, отказавшись в разработке научной методологии психологии от диалектического материализма. «Диалектический материализм, – пишет он, – есть наука самая абстрактная. Непосредственное приложение диалектического материализма к биологическим наукам и психологии, как это сейчас делается, не идет дальше формально-логических, словесных подведений под общие, абстрактные, *универсальные* категории частных явлений, внутренний смысл и соотношение которых неизвестны. В *лучшем* случае это может привести к накоплению *примеров*, иллюстраций. Но не больше»²³. Вывод Выготского однозначен: брать из марксизма «не диалектический материализм, а исторический материализм»²⁴. То есть изначально перед новой научной психологией ставится задача изучать психику не как природное, а как историческое, общественное явление в контексте человеческой истории как продукт культурно-исторического развития. А это означает, что всегда будут изучаться развитие или изменение психических функций как определенных данностей во всем многообразии их проявлений, но будут игнорироваться скрытые за этими данностями и порождающие их процессы, не зависящие от культурно-исторических условий – единственное, что может быть общим для всех психических функций и феноменов и многообразия их проявлений.

Таким образом, культурно-историческая концепция Л. С. Выготского, несмотря на ее огромное значение не только для российской, но и для мировой психологии, была и остается теорией, исследующей лишь психические феномены и отношения между ними в своем специфическом культурно-историческом аспекте. Следовательно, исследование естественно-природной составляющей психического ограничивается не мыслительными возможностями психолога, а самой методологией концепции. Поэтому фундаментальная попытка А. Н. Леонтьева исследовать эволюцию психики²⁵ есть одновременно попытка выхода за пределы культурно-исторической парадигмы. Точкой отсчета для него является предпсихическое свойство раздражимости живых организмов. Однако и в этом случае возникают вопросы: какой процесс приводит к возникновению самой раздражимости? Какие процессы приводят к переходу от одной фиксируемой стадии развития психического к другой фиксируемой стадии развития? Что помешало Леонтьеву идти дальше вглубь материи или исследовать то, что происходит в «зазоре» (наименьшем промежутке) между двумя фиксированными стадиями развития?

Анализ отношения Д. Н. Узнадзе к проблеме души, как предполагаемого предмета научно-психологического исследования, позволяет пролить свет на эти вопросы. Наиболее характерной чертой современной науки Узнадзе считает то, что «каждая наука изучает ту или иную сторону непосредственно данной действительности»²⁶. Отсюда естественный вывод: чтобы признать душу предметом научного исследования, ее действительность должна быть дана непо-

---

²³ **Выготский Л. С.** Исторический смысл психологического кризиса, с. 420–421.

²⁴ Там же.

²⁵ См. **Леонтьев А. Н.** Проблемы развития психики. М., 1959, с. 450.

²⁶ **Узнадзе Д. Н.** Общая психология. М., 2004, с. 26.

средственно. Другими словами, так как душу нельзя подвергнуть эмпирическому исследованию, то она не может быть предметом научного исследования. Очевидно, что психолог непосредственно имеет дело лишь с проявлениями души, но не с самой душой. Поэтому вполне логично заключение Узнадзе: «Душа может быть предметом исследования не подлинно научного, а лишь выходящего за пределы эмпирической действительности и стремящегося проникнуть в метафизическую сферу. Следовательно, рассмотрение души в качестве предмета психологии характерно для так называемой “метафизической”, а не научной психологии»²⁷. Таким образом, Узнадзе не только четко разделяет метафизическую и научную психологию, но и указывает на их несовместимость. Как видим, такой подход эксплицирует в качестве предмета научно-психологического исследования феноменологию психической реальности, а то, что порождает эти феномены (душа или еще что-то другое) – причины, непосредственно не данные в эмпирическом опыте психолога, – остается запретным плодом научно-психологического познания.

Из сказанного можно сделать вывод, что исследовательские возможности А. Н. Леонтьева ограничивала не методология, как в случае с Л. С. Выготским, а *определение* науки как средства познания того, что непосредственно дано в действительности. А если это условие нарушается, объект исследования оказывается “невидимым” для ученого, тогда проблема становится ненаучной, потому что ее решение потребует создания гипотетических определений предмета и объекта исследования. Но от этого “невидимый объект” или соответствующая проблема не перестают существовать. Однако если метафизику включить в науку как ее необходимую часть, что и сделала современная философия науки, то границы научного психологического познания намного расширятся и психолог будет вправе исследовать и то, что находится “за занавесью” психических феноменов или предпсихических свойств живых организмов. Но в этом случае фактором ограничения окажется глубоко эмпирическое мышление человека, именуемое в современной психологии “продуктивным” подходом, не приспособленным для исследования того, что находится за пределами непосредственных данностей чувственного эмпирического опыта. Все эти ограничения (идеологическая, методологическая, научная) и эмпиричность мышления способствовали утрате культуры метафизического образа мышления и тем самым ослаблению философской составляющей психологии.

Одну из попыток вновь обратиться к метафизике, чтобы вывести психологию из кризиса, предпринял В. П. Зинченко (заметим, однако, что при этом им не было произнесено слово “метафизика”!). В своем выступлении на “круглом столе” в редакции журнала “Вопросы философии” (1993), характеризуя состояние психологической науки, Зинченко оценил его не как кризисное, а как катастрофическое. Российская психологическая наука отклонилась от своего естественного развития, постоянно приспособляясь к жестким ограничениям марксистской идеологии. Выход из тупика Зинченко видит в переосмыслении и восстановлении культурного поля первых десятилетий XX в.,

---

²⁷ Там же, с. 27.

когда было реальностью “полифоническое и диалогическое сознание”²⁸.

Поясняя свою мысль, Зинченко приводит пример того, как идеи В. С. Соловьева о всеединстве человеческого знания, об Абсолюте оказали влияние на П. А. Флоренского, В. И. Вернадского, Д. Н. Узнадзе, А. Н. Северцева и А. Г. Гуревича (о духосфере, ноосфере, биосфере, психике как факторе эволюции, биологическом поле). Кроме того, Зинченко указывает на влияние идей Флоренского об органопроекциях на представления А. А. Ухтомского, Н. А. Бернштейна и А. Н. Леонтьева о функциональных органах индивидуальности. Эти примеры научной преемственности и взаимовлияний Зинченко характеризует как гармоничность многоголосного звучания и видит в этом особенность феномена культуры, научно-философского сознания ученых той эпохи. Однако к сказанному им важно добавить, что идеи Соловьева и Флоренского о всеединстве человеческого знания, Абсолюте и органопроекциях – идеи метафизические, оцениваемые современной психологией как сомнительные, ненаучные, однобокие, одним словом, не достойные внимания. Но, как оказалось, именно метафизические идеи сильно повлияли на некоторые стороны научного мышления тогдашних авторитетов российской науки и, в частности, психологии. Эта поразительная разница в образе мышления ученых начала XX в. и настоящего времени объясняется просто: ныне в психологии по причинам, указанным В. П. Зинченко, полностью утрачена культура метафизического мышления. В результате, несмотря на большое количество методологических и теоретических работ, психология считается естественной наукой лишь потому, что в ней всё начинается с экспериментально выявленного факта и заканчивается экспериментально доказуемым фактом (вслед за которыми следуют методологические и теоретические обобщения). То есть ядром научно-психологического исследования стал позитивистский “принцип” – “от эксперимента до эксперимента”, и выходить за эти рамки в область возможных, но эмпирически не доказуемых гипотез не положено.

Другая попытка изменить ситуацию была предпринята известными методологами российской психологической науки А. В. Петровским и М. Г. Ярошевским. По их мнению, наиболее полное постижение и объяснение психической реальности возможно тогда, когда одновременно с метапсихологическими категориями будут выделены соответствующие им онтологические модели. “На этом пути, – пишут Петровский и Ярошевский, – открывается возможность рассмотреть теоретическую психологию как научную дисциплину, имеющую метафизический характер. При этом метафизика понимается здесь не в традиционном для марксизма смысле, трактовавшем ее в качестве противоположного диалектике философского метода (рассматривающего явления в их неизменности и независимости друг от друга, отрицающего внутренние противоречия как источник развития)”²⁹. Другими словами, Петровский и Ярошевский считают, что для решения онтологических и концептуальных проблем

---

²⁸ См.: Зинченко В. П. Кризис или катастрофа? // “Вопросы философии”, 1993, № 5, с. 3–43.

²⁹ Петровский А. В., Ярошевский М. Г. Основы теоретической психологии. М., 1998, с. 31.

теоретической психологии необходимо обратиться к метафизическому способу теоретизирования. Относительно специфики выбора этого способа они пишут: “Плоский подход к пониманию метафизики (проникший в марксизм через философию Гегеля. – **Р. Н.**), игнорирующий ее реальное значение, уходящее корнями в учение Аристотеля, может и должен быть сменен обращением к идеям русского философа Владимира Соловьева”³⁰. Таким образом, после почти векового игнорирования при решении фундаментальных проблем психологии зазвучал призыв обратиться к метафизическому образу мышления и, более конкретно, к традициям русской метафизической мысли. Вопрос лишь в том, готово ли современное сообщество психологов поддержать этот призыв?

Метафизические воззрения Соловьева, утверждают авторы, чрезвычайно важны “для осмысления объяснительного принципа построения категориального строя в теоретической психологии”³¹. Петровский и Ярошевский безусловно правы, указывая, что объяснительные принципы должны быть обнаружены в области метафизического знания, при помощи метафизического способа рассуждений (как показано выше, так же рассуждал и Г. Челпанов). Однако, прежде чем обращаться к особенностям построения категориального строя в теоретической психологии, остановимся на решении онтологических проблем, которые также исследуются теоретической психологией. И тогда, во-первых, восстанавливается единство онтологического и гносеологического в отношениях между непосредственно не познаваемым и познаваемым, между скрытой сущностью и непосредственно данным явлением, линия демаркации между ними будет меняться вместе с развитием психологии, а во-вторых, необходимо станет обратиться не только к метафизическим воззрениям В. С. Соловьева и его последователей, но и ко всему богатству и разнообразию метафизических представлений в мировой философии и науке.

Самая важная для нашего исследования мысль Петровского и Ярошевского такова: метафизика не чужда психологии как научной дисциплине и, более того, необходима для построения ее онтологических и концептуальных моделей, составляющих фундамент здания психологии.

В качестве примера обращения к метафизике приведем замечание И. В. Имедадзе, сделанное им по поводу возможной интерпретации биосферной концепции Д. Н. Узнадзе. Рассуждая о путях преодоления Выготским, Леонтьевым и Узнадзе постулата непосредственности, Имедадзе приходит к выводу, что ни знак, ни деятельность не могут служить в качестве опосредствующего звена в дихотомии среда–психика, так как знак можно включить в первый член этого соотношения, а деятельность – во второй. “Наиболее логичным решением, – пишет далее Имедадзе, – представляется биосферная концепция. Вместе с тем, имея в виду ее некоторую метафизичность, последняя по-видимому нуждается в большей обоснованности. Тут можно обратиться и к новым квантовым, и к старым восточным представлениям”³². Интересно от-

---

³⁰ Там же.

³¹ Там же, с. 32.

³² **Имедадзе И. В.** Постулат непосредственности и пути его преодоления // “Современные проблемы теоретической и прикладной психологии”. Материалы международной научной конференции. Ер., 2013, с. 271.

метить, что, констатируя факт существования в психологии метафизического “объекта” исследования, Имедадзе не исключает использования представлений о квантовых явлениях для объяснения метафизического характера биосферы в понимании Узнадзе (можно предположить, что Имедадзе имеет в виду философию квантовой физики, с неклассических позиций создающей новые представления об устройстве мира).

Однако следует отметить три факта, вызывающих сожаление. Во-первых, ни В. П. Зинченко, ни А. В. Петровский и М. Г. Ярошевский не взялись за разработку метафизического подхода в психологии, которая как региональная наука должна обладать региональной (специфической) метафизикой. Во-вторых, они не заметили исследований А. И. Миракяна и В. М. Аллахвердова³³, применивших метафизический подход для экспликации онтологического статуса непосредственно-чувственного отражения и сознания соответственно. И, в-третьих, и после выступления Зинченко, и после выхода в свет книги Петровского и Ярошевского отношение психологов к метафизике осталось отрицательным, и тема, разработка которой во многом могла бы способствовать построению универсальной теории психических явлений, по-прежнему не исследована. Исключение составляют лишь труды Миракяна, последовательно, но имплицитно применившего метафизический подход для решения проблем непосредственно-чувственного отражения, а также работы его последователей³⁴.

Таким образом, современное состояние таково: несмотря на позитивное отношение к метафизике некоторых ведущих методологов, в целом оно остается отрицательным. Об этом свидетельствует хотя бы недавно изданная книга Т. В. Корниловой и С. Д. Смирнова “Методологические основы психологии” (М., 2011). В этой работе, насыщенной анализом многих философских концепций, о метафизике упоминается лишь в связи с обзором методологических нововведений Выготского, который ограниченно воспринимал метафизику и отрицательно относился к ней. Хотя Корнилова и Смирнов неоднократно обращались к книге Петровского и Ярошевского, в предложенном этими специалистами аспекте метафизика не обсуждается. С другой стороны, философия науки и то, как сами естественники (особенно физики и математики) анализируют возникновение своих наук указывают, что для построения целостного здания науки не обойтись без метафизических предпосылок. Значит, проблема отношения психологии к метафизике давно созрела (исходя из специфики своего предмета, психологи должны были решить ее раньше, чем фи-

---

³³ См. **Миракян А. И.** Указ. сочинение; **Аллахвердов В.М.** Методологическое путешествие по океану бессознательного к таинственному острову сознания. СПб., 2003.

³⁴ См. **Арменков С. Л.** Трансцендентальная психология как изменение образа мышления // «А. И. Миракян и современная психология восприятия: сборник материалов научной конференции» (30 ноября 2010 г.). М., 2010; **Козлов В. И.** Формопорождающий процесс и непосредственно-чувственное восприятие времени // Там же; **Морина Н. Л.** Теоретико-экспериментальное исследование процесса порождающего восприятия в осязании // Там же; **Нагдян Р. М.** Психологический релятивизм реальности // «Психология философии». Ер., 2009; **Панов В. И.** Непосредственно-чувственное восприятие движения объектов. М., 1993; **Панов В. И.** Экологическая психология: опыт построения методологии. М., 2004; **Шукова Г. В.** Парадигмальные изменения в современной психологии восприятия: от психического отражения к порождению психической реальности // Saarbrücken: Lambert Academic Publishing, 2013.

зики), причем выбор способа анализа и образа мышления – главные факторы достижения успеха в этом направлении развития теоретической психологии.

И несмотря на тотальную антиметафизичность психологов (за вышеназванными исключениями), А. И. Миракян и В. М. Аллахвердов, используя метафизический подход, исследовали фундаментальные проблемы психологии, остававшиеся вне поля научно-психологической рефлексии. Анализ этих исследований дан в предыдущих наших статьях³⁵.

Следует подчеркнуть, что метафизический подход, способствующий выявлению природных предпосылок, порождающих психическое, и формулированию базовых понятий, дополняющих категориальный строй теоретической психологии, не умаляет значение эксперимента, определяющего научный статус психологии. Более того, именно экспериментом проверяется истинность (в философском смысле) и эффективность (в практическом смысле) выбранных метафизических предпосылок. Меняются лишь акценты: метафизика направляет и координирует экспериментальные исследования психических явлений, что и позволяет принять или опровергнуть выбранные метафизические предположения. Мы еще раз хотим подчеркнуть связь между метафизикой и эмпирией, которая была столь естественна для психологов-метафизиков Серебряного века России.

Ключевые слова: философия науки, методология психологии, метафизика, реальность, продуктивный подход, душа, порождение психического, развитие психического

ՌՈՒԲԵՆ ՆԱԴԴՅԱՆ – Հոգեբանության և մետաֆիզիկայի կապի պատմությունից – XX դարի երկրորդ կեսին գիտության փիլիսոփայության հետազոտություններում ցույց է տրվել, որ գիտությունը հիմնվում է համապատասխան մետաֆիզիկական նախադրյալների վրա: Այդ իսկ պատճառով կարելի է ենթադրել, որ հոգեբանությունը՝ որպես գիտություն, նույնպես պետք է համապատասխանաբար կապված լինի մետաֆիզիկական սկզբունքների և կանխադրույթների հետ, որոնք սահմանում են հոգեկանի առաջացումը և զարգացումը: Այդ փաստը հակասում է այն տեսակետին, որ հոգեբանության ժամանակակից մեթոդաբանությունում, ինչպես հայտնի է, Լ. Ս. Վիգոտսկիի մեթոդաբանական վերափոխումից հետո տեղ չի հատկացվել մետաֆիզիկական մոտեցմանը:

Սակայն XIX դարի և XX դարասկզբի իրավիճակը լրիվ այլ էր: Եվրոպացի հոգեբաններից մետաֆիզիկային անդրադառնում էին մասնավորապես այնպիսի հոգեբաններ, ինչպիսիք են Ի. Հերբարտը, Վ. Վունդտը, Ու. Ջեյմսը, Կ. Յասպերսը: XIX դարի վերջին մետաֆիզիկայի նկատմամբ հետաքրքրությունը մեծանում է նաև Ռուսաստանում: Մետաֆիզիկական գաղափարների էական դերը հոգեկանի ուսումնասիրման գործում ընդունվում էր Վ. Սոլովյովի, Ա. Տրուբեցկոյի, Ն. Գրոտի, Ա. Ֆրանկի, Պ. Ֆլորենսկու, Գ. Չելպանովի և ուրիշների կողմից: Սակայն Լ. Ս. Վիգոտսկու կողմից հոգեբանությունում մարքսիզմը՝ իբրև դրա մեթոդաբանական հիմք, հեռացվելուց հետո մետաֆիզիկան որպես

³⁵ См. **Нагдян Р. М.** Метафизические предпосылки трансцендентальной психологии восприятия // “Вестник Ереванского университета. Философия, психология”, 2013, № 140.4; **Нагдян Р. М.** Сравнительный анализ метафизических подходов к проблеме сознания // “Вестник Ереванского университета. Философия, психология”, 2014, № 142.4.

իդեալիստական ոլորտի գիտելիք, հոգեբանությունից հեռացվեց: Եվ միայն XX դարի վերջին այնպիսի գիտնականներ ներգրավելուց հետո, ինչպիսիք են Վ. Մ. Ալլախվերդովը, Վ. Պ. Ջինչենկոն, Ա. Ի. Միրաքյանը, Ա. Վ. Պետրովսկին և Մ. Գ. Յարոշեվսկին, կրկին ցույց տվեցին հոգեբանությունում մետաֆիզիկական գաղափարների և պատկերացումների կիրառման հնարավորությունը և անհրաժեշտությունը:

Բանալի բառեր – գիտության փիլիսոփայություն, հոգեբանության մեթոդաբանություն, մետաֆիզիկա, իրականություն, արգասիքային մոտեցում, հոգի, հոգեկանի առաջացում, հոգեկանի զարգացում

RUBEN NAGHDYAN – *From the History of Interrelations between Psychology and Metaphysics.* – In the second half of the XX century the studies on philosophy of science showed that the science is based on certain metaphysical assumptions. We can therefore assume that psychology, as a science, in some way must also be connected with the metaphysical postulates and principles determining the origin and development of the psychic. This fact is in contradiction with the point that in the methodology of modern psychology, as we know, there was no place for the metaphysical approach after the methodological transformation of L. S. Vigotsky.

However, in XIX and early in XX centuries the situation was quite different. Among European psychologists, such as I. Herbart, V. Wundt, W. James and K. Jaspers, in particular, turned to metaphysics. By the end of the XIX century the interest towards metaphysics increased in Russia, too. The significant role of metaphysical ideas in the study of psychic was recognized by V. Soloviev, S. Troubetzkoy, N. Grot, S. Frank, P. Florensky, G. Chelpanov and others. However, as mentioned above, after Marxism had been attracted in psychology by L. S. Vigotsky as its methodological basis, metaphysics was banished from psychology as a field of idealistic knowledge. It was only late in XX century that such scholars as V. M. Allakhverdov, V. P. Zinchenko, A. I. Mirakyan, A. V. Petrovsky and M. G. Yaroshevski again demonstrated the possibility and necessity of application metaphysical ideas and concepts in psychology.

Key words: *philosophy of science, methodology of psychology, metaphysics, reality, product approach, soul, causing psychic, development of psychic*